

- ⁴⁴ Altman J. Economic Implications of Native Title: Managing Money Effectively // Proof and Management of Native Title... P. 87.
- ⁴⁵ Артемова О.Ю., Роуз Ф. Указ. раб. С. 45; Разакова Э.М. Указ. раб. С. 18 и др.
- ⁴⁶ Young E. Op. cit. P. 217.
- ⁴⁷ Rose D.B. Pastoral Conversions // Proof and Management of Native Title... P. 63.
- ⁴⁸ Ibid. P. 67; Northern Land Council Annual Report... P. 53.
- ⁴⁹ Northern Land Council Annual Report... P. 11.
- ⁵⁰ Ross D.B. Management of Yested and Acquired Properties: an Overview // Proof and Management of Native Title. P. 53.
- ⁵¹ Sutton P. The Relative Strengths of Oral and Written Evidence // Ibid. P. 21.
- ⁵² Native Title Newsletter. № 6. (1993). P. 1. Canberra, 1994.
- ⁵³ Northern Land Council Annual Report... P. 51.
- ⁵⁴ Native Title Newsletter. № 4. P. 1. Canberra, 1994.
- ⁵⁵ Kabo V. Contemporary Problems of the Northern and Far Eastern Peoples of the Union of Soviet Socialist Republics in an Australian Perspective // Australian Aboriginal Studies. 1992. № 2. P. 58.
- ⁵⁶ Jull P. The Politics of Northern Frontiers. Darwin, 1991. P. 22; Aboriginal Self-Determination in Australia. Canberra, 1994.

A.A. S i r i n a. Returning Land to Aborigines

The article deals with the problem of settlement the aborigines' rights on the territory of North Australia within the bounds of the Australian new national self-determination policy. The author analyzed the North Aborigines' Rights of 1976 and its influence on the problems of aborigines. The article gives the consideration to some questions of using the aborigines' lands. This problem wasn't practically considered in Russian literature on Australia. The author makes an attempt to stress the real problems of Australian aborigines-farmers. The experience of North Australian was useful for forming of the functioning mechanisms of Native Title Act 1993.

© 1998 г., ЭО, № 3

Ю.П. Ш а б а е в

ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

Национальные движения у финно-угорских народов России сформировались или были воссозданы на рубеже 1980-х – 1990-х годов, что явилось следствием демократизации общественной жизни. Они не только быстро политизировались, но и стали интегрироваться, сами вырабатывая или воспринимая со стороны общие идеи для своих политических доктрин. Создание или воссоздание этих движений (некоторые из них называют себя правопреемниками организаций, сформированных в 1917–1918 гг.) – это не результат внутриполитических процессов развития республик и автономий с финно-угорским населением (речь идет о Коми, Удмуртии, Коми-Пермяцком автономном округе, Мордовии, Марий Эл и отчасти Карелии), а своеобразная реакция национальной интеллигенции на снятие официального «табу» с критического обсуждения проблем национального развития народов бывшего СССР.

Побудительными мотивами к возникновению различных национальных организа-

ций стали обсуждение в 1989 г. платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» и прошедшие в рамках этой кампании соответствующие пленумы обкомов (окружкомов) в республиках и округах. Своеобразная «санкционированность» и идеологическая неподготовленность создания национальных организаций во многом определили как процесс формирования их политических позиций, так и их влияние в обществе.

В 1989 г. появились такие организации, как «Коми котыр» в Коми, Общество удмуртской культуры в Удмуртии, «Масторава» в Мордовии, Общество карельской культуры в Карелии. В 1990 г. в Марий Эл было создано общество «Марий ушем», в Коми-Пермяцком автономном округе – Общество радетелей коми-пермяцкого языка, литературы, культуры «Югор». Все эти общества стали основой для формирования национальных движений. Создаваемые первоначально как национально-культурные, они стремительно политизировались и выводили на политическую арену новые общественно-политические структуры.

Так, общество «Коми котыр» было инициатором проведения в январе 1991 г. съезда коми народа. На нем был избран Комитет возрождения коми народа, к которому и перешла роль лидера коми движения. В конце 1990 г. Союз карельского народа (так стало называться Общество карельской культуры) также выступил инициатором проведения республиканского съезда карел, который состоялся в июне 1991 г. в Олонце. В 1991 г. прошел Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом удмуртской культуры, получившем название «Дэмен». На съезде была создана действующая на постоянной основе выборная организация «Удмурт кенеш». Высшим органом этой организации является Всеудмуртский съезд, который избирает ее президента и совет представителей для решения текущих вопросов в период между съездами. Общество «Марий ушем» было главным организатором Третьего съезда марийского народа в октябре 1992 г. (первый состоялся в 1917 г. в г. Бирске Уфимской губ., второй – в 1918 г. в Казани). Съезд народа мари избрал Большой совет народа мари из 54 чел. сроком на 4 года. В марте 1992 г. состоялся Первый съезд мордовского народа, главная заслуга в подготовке и проведении которого принадлежала обществу «Масторава».

После создания первых национальных организаций в российских финно-угорских республиках и оформления в каждой из них политических институтов титульных этносов в форме съездов народов начались процессы структурирования национальных движений. Появились многочисленные местные отделения республиканских национальных организаций, стали возникать молодежные национальные союзы и объединения, вычленилось радикальное крыло национальных движений. К последнему можно отнести партию «Дорьям Асьнымос» в Коми, «Карельское движение» в Карелии, «Кугезе мланде» в Марий Эл, «Эрзянь мастор» в Мордовии.

Уровень развития национальных движений разный, а потому различна и степень их влияния в республиках. Наиболее развитым и хорошо организованным является коми национальное движение, которому удалось добиться значительных политических успехов. Наименее организованным оказалось национальное движение у коми-пермяков, а точнее общество «Югор», так и не ставшее базой для формирования сколько-нибудь значимого национального движения. Неслучайно идеологически и организационно оно оказалось полностью зависимым от движения коми и по существу стало его частью. Мордовское национальное движение достаточно быстро раскололось на эрзянское и мокшанское – различные по своей политической направленности. Идеологически не очень состоятельным оказалось удмуртское национальное движение, и потому в Удмуртии вопросы развития удмуртской культуры решаются сложно. Более успешны в политическом плане марийское и карельское движения, у которых сложились более конструктивные отношения с властями.

В самом развитии современных национальных движений у финно-угорских народов некоторые исследователи выделяют ряд этапов: формирование (1989–1991 гг.), массивное воздействие на местные власти (1991–1992 гг.) и спад активности

движений и интереса к национальной проблематике (1993–1995 гг.)¹. Но формирование идеологии, тем более согласованной идеологии национальных движений, вряд ли можно увязать с их общественно-политической эволюцией. В достаточно цельной форме эта идеология, на наш взгляд, оформилась к 1992 г., и подтверждением тому явился Первый всероссийский съезд финно-угорских народов, состоявшийся в мае того же года в Ижевске. На съезде были приняты Положение о статусе съезда, Устав Ассоциации финно-угорских народов, целый ряд положений и документов принципиального характера², декларировавших политические устремления национальных движений. В том же году состоялся Первый всемирный конгресс финно-угорских народов в Сыктывкаре, где процесс интеграции национальных движений приобрел официальную поддержку и сами эти движения повысили свой авторитет не только в глазах общественности, но и во властных структурах.

В дальнейшем идеология менялась медленно и не обогащалась какими-то принципиальными новациями. На Втором съезде финно-угорских народов Российской Федерации, который проходил летом 1995 г. в Кудымкаре, какие-либо идеологические вопросы не обсуждались и наиболее значительными были, пожалуй, резолюции «Об отношении к событиям в Чеченской Республике», в которой осуждались военные действия, и «Об общественном движении "Союз народов России"», в которой выражалась солидарность с решениями весьма странного новообразования, именуемого Первым съездом народов России³. По всей вероятности, некоторые коррективы в идейные установки могут быть внесены на Третьем съезде финно-угорских народов России, который намечено провести в 1998 г. в Сыктывкаре.

Смещение акцентов в идеологии неизбежно, ибо внутри национальных движений усиливается раскол и формируются или уже сформировались три течения: национал-радикалы, элита (этнономенклатура), или национальная бюрократия, которая интегрируется или тесно сотрудничает с властями, и демократическое течение.

Национал-радикалы являются выразителями крайних идей, и их риторика изобилует фразами о многовековом геноциде по отношению к финно-угорским народам, об особых правах «коренных» народов и т.д. Этнономенклатура – это та часть национальной элиты, которая прочно закрепилась в руководстве национальных движений и обрела стабильные связи во властных структурах или даже интегрировалась в них, при этом существенно смягчив свои позиции и негласно отвергнув принципы демократизма во внутренней жизни национальных движений. Именно поэтому эта часть движения подвергается критике как со стороны радикалов, так и со стороны демократической оппозиции. Последняя проявляет себя пока весьма слабо, ибо это течение только начинает формироваться. Однако оно неизбежно проявит себя, поскольку становится очевидным, что реальное влияние национальные движения могут обрести лишь тогда, когда главным для них станет «диалог» с народом, а не только с властями.

Говоря об идеологии, следует иметь в виду, что какой-то общей цели, детально разработанной концепции политического и культурного реформирования в финно-угорских республиках и автономиях не существует. Есть только ряд принципиальных положений, которые признаются всеми или почти всеми национальными организациями. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об идеологическом обеспечении национальных движений и его научном анализе.

В идеологии национальных движений в финно-угорских республиках центральное место отводится идее этнического самоопределения. Поскольку титульный этнос рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета»⁴, постольку право на самоопределение рассматривается не как право нации в ее европейском понимании, а как право одной этнической общности самоопределяться независимо от многонационального состава этих республик.

В вопросе самоопределения имеется достаточно много неопределенностей, ибо «в течение длительного времени принцип самоопределения считался скорее политическим или моральным постулатом, чем действующей правовой нормой»⁵. Тем не менее

очевидно, что противопоставление этнического гражданскому закладывает существенное противоречие во все идеологические конструкции российских финно-угорских идеологов, ибо невозможно совместить декларативные заверения об их приверженности равенству народов и культур, с одной стороны, и противопоставление этноса согражданству – с другой.

Только рассматривая народ как совокупность граждан, а не как общность по признаку этнической принадлежности, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами. Впрочем, какой конкретный смысл вкладывается в идею этнического самоопределения, возможно понять лишь из контекста, поскольку эта идея трактуется разными деятелями национальных движений по-разному.

Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что титульные этносы являются коренным, т.е. исконным, населением и тем самым имеют особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, могут претендовать на политическое доминирование в финно-угорских республиках. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров национальных движений используются термины «коренной этнос», «коренная нация».

Вместе с тем предпринимаются попытки поставить знак равенства между используемым в международной практике термином «коренное население» и титульными народами рассматриваемых республик. Заметим, что представители национальных движений участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения Организации Объединенных Наций и что на Первом всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске была принята «Декларация прав коренных народов России». Однако, как известно, не существует общепринятого определения «коренного населения». Порой нельзя достаточно однозначно определить, какие этнические группы на данной территории могут считаться «коренными».

Например, в Коми идеологи коми национального движения, судя по всему комплексу высказываний и документов, считают коренным населением только лиц коми национальности. При этом совершенно не учитывается, что на Нижней Печоре русские поселенцы (устыцилемы) появились раньше коми. Самые северные районы Коми можно отнести к этнической территории ненцев, а в Предуралье по среднему и верхнему течению Печоры еще в XVII в. обитали манси. Впоследствии все эти территории были также освоены коми и теперь входят в состав Республики Коми.

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под термином «коренное население» прежде всего понимаются «народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду»⁶. Исходя из этого определения, восточнофинские народы вряд ли можно считать «коренным населением» хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны).

Российскими этнологами недавно был разработан собственный проект закона о защите прав коренных народов «Основы правового статуса коренных народов Севера»⁷. Под коренными народами предложено понимать те, которые ведут промысловое хозяйство. В список этих народов этнологи включили, в частности, и коми на том основании, что одна из этнографических групп коми, а именно коми-ижемцы, занимаются оленеводством. При этом не было учтено, что ижемцы – это лишь небольшая часть этноса, что среди самих ижемцев меньшая часть занимается оленеводством и что сами коми оленеводы наряду с оленеводством занимались еще и земледелием.

В этой связи весьма уместными выглядят замечания американского ученого Деборы Л. Шиндлер, высказанные по поводу этого проекта: «Только четкое

определение понятий, характеризующих образ жизни, экономику и политические институты коренных народов, позволит гарантировать, что все стороны, вовлеченные в правовой процесс, говорят об одном и том же»⁸.

С идеей приоритетных прав «коренных этносов» тесно связана другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс»⁹, а также ее конкретное выражение – предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов. Идея реформирования парламентского устройства существует в нескольких вариантах. По одному из них представителям титульных национальностей во властных структурах в целом и в парламенте в частности должно быть гарантировано 50% мест независимо от их доли в общей численности населения¹⁰. Согласно другому варианту, который наиболее часто излагается и получил поддержку на Первом всероссийском съезде финно-угорских народов, парламенты в восточнофинских республиках должны состоять из двух палат. Одна из них будет формироваться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а другая состоять только из представителей титульных этносов¹¹. При этом вторая палата будет обладать правом вето.

Впрочем, приемлемый механизм формирования такого парламента до сих пор никем не предложен. Ясно, что реализация подобной идеи означает отказ от общедемократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общереспубликанских выборов. Кроме того, это означает сверхпредставительство титульных этносов, ибо каждый его представитель получает как бы два голоса. Общество в результате будет разделено через политическую систему на две группы, обладающие разными правами. Это усилит возможность конфликтов, ибо чем больше в обществе бинарных маркеров, тем выше потенциал конфликтности.

Предоставление особых политических или экономических прав титульному этносу не только повысит возможность конфликта, но и искусственно упростит картину этнического взаимодействия в регионах. Вместо многонационального сообщества, которое имеется в каждом регионе, узаконивается биполярная схема межнационального сообщества: коренной этнос – инонациональное население. При этом следует заметить, что каждая национальная общность в случае узаконения особого характера формирования парламентов получает моральное право претендовать на отдельное представительство. Во всяком случае в Мордовии, к примеру, более логичным был бы вариант, при котором такого рода права стали бы добиваться эрзя, мокша и татары.

Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением, что «обычный демократический принцип "один человек – один голос" не является универсальным для общества со сложным составом населения. Он только обеспечивает базовую основу демократии и ориентирован прежде всего на индивидуальные гражданские права»¹². Поэтому в многонациональных сообществах необходима особая система согласования интересов национальных общин.

Разумными элементами такой системы могли быть стать съезды народов, а также их исполнительные органы, которые со временем обретут статус консультативных палат при национальных парламентах. Однако данный статус они смогут обрести только при соблюдении одного важнейшего условия: если будет обеспечено реальное, а не мнимое представительство на этих съездах лиц, являющих собой титульные этносы, т.е. если удастся обеспечить демократическую процедуру выборов на эти съезды и каждый представитель народа будет иметь права избирать и быть избранным.

Пока же лидеры национальных движений, объединившись в ряде случаев с представителями прежней номенклатуры и пойдя на союз с властями, не заинтересованы в том, чтобы принцип реальной или прямой выборности на эти съезды стал естественным и незабываемым. Например, в Республике Коми в принятом в 1992 г. парламентом законе «О статусе съезда коми народа» было сказано, что «съезд

является высшим представительным собранием коми этноса» и его легитимность должна обеспечиваться демократической процедурой выборов¹³. Это заставило Комитет возрождения коми народа перед третьим съездом коми народа принять положение о выборах делегатов. Однако ни закон о статусе съезда, ни положение о выборах делегатов не оговаривали процедуру выборов и систему контроля за ней. В результате на третий, четвертый и пятый съезды коми народа в 1993, 1995 и 1997 гг. по существу демократические выборы организованы не были, на что законодатели смотрят весьма снисходительно.

Подобная ситуация свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях в практической деятельности национальных движений. С одной стороны, съезды народов объявляются высшими представительными собраниями этносов, а с другой – проблема представительства и демократических выборов не решается.

Рассматривая в более широком плане реформу демократических институтов в многонациональных сообществах, хотелось бы сослаться на мнение директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова, который считает, что в России необходимо выработать новую избирательную систему, которая обеспечивала бы как представительство этнических групп в институтах власти, так и учет их интересов политиками. В.А. Тишков согласен с одним из авторов концепции демократии согласия А. Лийфартом в том, что в этнически разделенных обществах должна действовать целая система мер и механизмов, позволяющая даже небольшим группам занимать свое место в управлении¹⁴.

Проблема легитимности съездов народов, а лучше назвать их съездами полномочных представителей народов, становится более актуальной, поскольку, с одной стороны, они остаются реальной политической силой и их решения могут иметь далеко идущие политические последствия, а с другой – федеральная власть как бы узаконивает идею этнического представительства, что далеко не бесспорно. В частности, в концепции государственной национальной политики Российской Федерации указывается на необходимость создания Ассамблеи народов России как общественно-консультативной палаты при президенте.

Естественно, проблема легитимности такой палаты серьезно затруднит ее формирование, если только ее изначально не захотят превратить в декоративный орган. И думается, что съезды народов могли бы стать одним из реальных механизмов формирования ассамблеи при условии строгого соблюдения ими демократических избирательных процедур.

Наиболее рациональной идеей, которая не отторгается общественным мнением как титульной национальности, так и других национальных общин в регионах, явилась идея повышения статуса языка титульной национальности. И именно поэтому официальная языковая политика в финно-угорских республиках России в наибольшей мере совпадает с идеями языкового строительства, выдвигаемыми национальными движениями, за исключением требований, что высшее должностное лицо в каждой национальной республике должно владеть языком титульной национальности. Этого, однако, нельзя сказать о двух других идеях: республиканском гражданстве и законе о миграции.

Республиканское гражданство, а точнее требование принять законы о республиканском гражданстве, есть попытка провести в России внутренние границы, или огосударствление этничности, доведенное до абсурда. (Если следовать дальше этой логике, то необходимо вводить республиканские паспорта и создавать другие атрибуты «суверенности».) Введение республиканского гражданства означало бы, что граждане России могут быть ограничены в правах в различных частях государства. Именно поэтому проблему соотношения российского и республиканского гражданства идеологи национальных движений разрешить не смогли. Во всяком случае ни в одной республике чего-нибудь приемлемого в правовом отношении предложено не было.

Суть проектов законов о миграции заключается в том, чтобы ограничить приток

инонационального населения в финно-угорские республики. Такое ограничение, по замыслу составителей проектов, позволило бы изменить демографическую ситуацию в пользу титульных этносов. По существу же подобные законы в случае их принятия в той или иной финно-угорской республике означали бы ограничение свободы передвижения граждан России. Многие не понимают сути таких законодательных инициатив, но поддерживают их, поскольку в обыденном сознании некоторой части национальной интеллигенции термин «мигрант» стал ругательным.

В концентрированной форме эта позиция, на наш взгляд, нашла выражение в работе К.И. Куликова «Национально-государственное строительство восточно-финских народов 1917–1937 гг.». Автор пишет: «...Мигранты, прибывающие на территории проживания малых народов на определенный срок, чувствовали себя полноправными хозяевами, выполняющими общесоюзные цели и задачи... Фактически эти люди не считались с интересами коренного населения, хищнически и преступно грабили все богатства, нарушали или уничтожали среду обитания. Если же оседали на этой земле на постоянное жительство, согласно законам о равноправии, они никак не хотели считаться с национальными особенностями этих народов, противопоставляя обеспечению их политических прав, основанных на автохтонности»¹⁵.

Таким образом, «вина» за многие проблемы в национальном развитии финно-угорских народов просто перекладывается с партийно-государственного руководства страны и республик на специалистов – врачей, учителей, рабочих, которые приезжали сюда, чтобы лечить больных, учить детей, строить и работать на возводимых в этих республиках предприятиях.

Важнейшую интегративную роль были призваны сыграть идея финно-угорской общности и попытки стимулировать финно-угорское единство. В частности, в первом параграфе «Статуса съезда финно-угорских народов Российской Федерации» сказано: «Съезд является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации, добровольно объединившихся в Ассоциацию, и ставит своей целью воссоздание единого финно-угорского мира»¹⁶. Английский ученый Майкл Бранч назвал попытки обоснования финно-угорского единства «процессом мистификации»¹⁷. Думается, он в значительной мере прав, ибо ни славянское единство, ни идея единой арабской нации не выдержали испытания временем. Финно-угорские народы слишком разнятся по своим культурным традициям, уровню социально-экономического развития, чтобы декларируемое единство стало реальностью.

Впрочем, идеи финно-угорского единства, принятия законов о гражданстве и миграции, а также формирования палаты парламента по национальному признаку в финно-угорских республиках России являются идеями привнесенными. Они либо напрямую заимствованы из законотворческой практики стран Балтии, либо подсказаны эстонскими экспертами. Для того чтобы доказать это, сошлемся на Общую программу Народного фронта Эстонии, обнародованную в 1988 г. Там, в частности, сказано: «Народный фронт считает необходимым обеспечить всем народам право на самоопределение и реальный суверенитет национальных республик на их исторической территории. Гарантией прав коренной нации является конституционное признание его языка государственным, узаконение республиканского гражданства и защита национальной символики»¹⁸. Далес эти идеи были «развиты» и дополнены Конгрессом граждан Эстонии, которые придал понятию гражданства исключительно этнополитический смысл и настаивал на жестких мерах по отношению к «мигрантам». Идеи Конгресса граждан также не остались незамеченными в финно-угорских республиках России.

Отсутствие реальной публичной политической жизни в СССР в течение многих десятилетий, а также отсутствие более или менее целостных национальных концепций у предшественников нынешних национальных движений, по-видимому, привели к тому, что их идеология в значительной степени зависит от влияний извне. Впрочем, некоторые старые идеи реанимируются и берутся на вооружение современными

идеологами. В частности, применительно к коми – это идея национально-государственного единения коми и коми-пермяков.

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что при наличии многих общих идей практическая деятельность национальных движений на местах более прагматична, нежели их согласованная идеология. В частности, в Карелии и Мордовии «рафинированная» идея коренного этноса была пересмотрена. В Карелии уже на Первом национальном конгрессе карел, финнов, вепсов Карелии в 1992 г. было подчеркнуто, что в палату коренных этносов должны войти и депутаты от коренных русских Заонежья и Беломорья (все остальные русские объявлялись мигрантами).

Постепенно менялась и позиция национальных организаций в Коми и Марий Эл. Так, если в решениях Третьего съезда коми народа было сказано: «Одним из возможных и наиболее эффективных подходов в решении этой проблемы явилось бы создание профессионального двухпалатного парламента с правом вето обоих палат, одна из которых состояла бы из депутатов коренной национальности»¹⁹, то в решениях четвертого съезда уже осторожно указывалось: «Продолжить работу по созданию приемлемого правового механизма по включению коми народа в процесс выработки, принятия и исполнения государственных решений»²⁰.

Таким образом, очень быстро выявились существенные противоречия между согласованной позицией национальных движений финно-угорских народов и их политической деятельностью на местах. Естественно, что конкретное нормотворчество всегда ближе к реальной жизни, чем общие декларации. Сами по себе противоречия симптоматичны, ибо они свидетельствуют как о слабой согласованности позиций национальных движений, так и об углубляющемся процессе дифференциации политических позиций этих движений.

Наконец, нужно сказать, что одной из наиболее примечательных идей является очевидное стремление к огосударствлению этничности.

Коми национальное движение упорно добивалось создания в республике Министерства по делам национальностей и, добившись этого, стало ратовать за формирование структур министерства на местах. Между тем опыт деятельности этого министерства показывает очевидную надуманность его создания, поскольку у этой бюрократической структуры не оказалось объекта управления (проблемы развития национальной культуры решаются в Министерстве культуры, проблемы укрепления национальной школы – в Министерстве образования, а проблемы правовой защиты – в Министерстве юстиции). На съезде народа мари в июле 1992 г. вообще предполагалось принять резолюцию «О государственном комитете марийского народа», т.е. о создании своего рода министерства по делам мари.

Упование на бюрократические методы решения национальных проблем характерно как для федеральных, так и для местных властей. На федеральном уровне принята программа возрождения финно-угорских народов, которая, кстати, стала главным предметом обсуждения на Втором съезде финно-угорских народов России. На местном, т.е. республиканском, уровне также принимаются различные программы и законы, призванные способствовать развитию национальных культур²¹. Однако в отношении национальной политики у руководства республик нет четкой позиции. И хотя в ряде республик приняты соответствующие концепции, в них, как правило, не оговорены многие ключевые моменты. В частности, в Концепции государственной национальной политики Республики Коми, утвержденной весной 1996 г., не оговариваются роль и значение коми народов в жизни республики, ничего не сказано о месте русской общности в республике, не затронут весьма важный и активно дискутируемый вопрос о коренном населении²².

Численность и степень влияния национальных организаций в финно-угорских республиках в общем невелики, и это отмечается многими исследователями. Тем не менее нельзя считать эти движения незаметной политической силой. Так, массовые опросы населения, проводимые в Коми и Мордовии, показали, что около 40% лиц титульной национальности²³ знакомы с деятельностью организаций, которые

отстаивают их национальные интересы. При этом оценка деятельности этих организаций в целом не является позитивной (в Коми отношение негативных оценок к позитивными среди представителей титульного этноса составляет 3:1).

Столь же слабой поддержкой пользуются и идеи, проповедуемые национальными движениями. К примеру, согласно данным массового опроса населения, проведенного в Коми весной 1996 г. в рамках программы «Социально-психологический мониторинг», только 5% респондентов-коми поддержали идею создания в республиканском парламенте Палаты Коми; среди остальных респондентов таковых было чуть более 1%. Наибольшей поддержкой пользуются идеи, связанные с языковым строительством. Но даже в этом вопросе большинство респондентов титульной национальности не являются сторонниками введения повсеместно обязательного изучения в школах языка титульной национальности, что, впрочем, не означает какого-то противодействия повышению статуса языков титульных этносов.

На наш взгляд, слабая поддержка национальных движений связана как с организационными, так и с идеологическими причинами. Существуют два пути развития этих движений: демократический и номенклатурно-бюрократический. Сегодня преобладает последний путь, когда национальная элита устанавливает контакты не с народом, а с бюрократией. Лишь тогда, когда будут обеспечены демократические принципы формирования и деятельности национальных движений, они смогут приобрести достаточные авторитет и влияние. Кроме того, в идеологии национальных движений, на наш взгляд, весьма слабо акцентированы принципиальные моменты, связанные с необходимостью широкого общественного диалога при решении национальных проблем и согласования интересов разных национальных общин в полиэтнических сообществах. Наиболее очевидно просматривается явное противопоставление этнического общегражданскому.

Примечания

¹ Учайкина Т.И. Национальные движения финно-угорских народов России в 1989–1995 гг. (на примере республик Карелия, Коми, Мордовия). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1997.

² Документы, принятые Первым всероссийским съездом финно-угорских народов. Ижевск, 1992.

³ II съезд финно-угорских народов Российской Федерации. Основные решения. Кудымкар, 1995.

⁴ Пробуждение финно-угорского севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. М., 1996.

⁵ Мартынов В. Самоопределение – необходим ответственный подход // Междунар. жизнь. 1993. № 7.

⁶ Коренное население. Глобальное стремление к справедливости. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.

⁷ Соколова З.П., Новикова Н.И., Скорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 1.

⁸ Обсуждение проекта закона Российской Федерации «Основы правового статуса коренных народов Севера» // ЭО. 1996. № 1.

⁹ Республика. 1995 г. 28 декабря.

¹⁰ Яшина Р. О путях и методах восстановления национального менталитета удмуртов // Финно-угорские народы и Россия. Таллин, 1994.

¹¹ Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Т. 1. М., 1994; Пробуждение финно-угорского севера; Юрченкова В.А. Масторава: основные тенденции развития // ЭО. 1994. № 4.

¹² Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 40.

¹³ Штрихи этнополитического развития Республики Коми. С. 129.

¹⁴ Тишков В.А. Указ. раб. С. 24–26.

¹⁵ Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточнофинских народов 1917–1937 гг. Ижевск, 1993. С. 253.

¹⁶ Документы, принятые Первым всероссийским съездом финно-угорских народов.

¹⁷ Бранч М. Размышления об общей истории уральских языков. М., 1993.

¹⁸ Народный конгресс. Сб. матер. конгресса Народного фронта Эстонии 1–2 октября 1988. Таллин, 1989. С. 176.

¹⁹ III съезд коми народа. Основные решения. Сыктывкар, 1993.

²⁰ Республика. 1995 г. 28 декабря.

²¹ Пробуждение финно-угорского севера... С. 237.

²² Национально-культурные центры, национальные общественные организации и объединения Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

²³ *Кулешова Г.В.* Роль этнокультуры в развитии наций и межнациональных отношений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996.

Yu.P. Shabaev. Finn-Ugric National Movement Ideology and its Perception by Common Opinion

Ideological postulates and activities of the national movements in Komi, Udmurt, Mordovian, Mari, Karel republics and Komi-Permyak autonomous district are viewed. The author underlines that these movements of the Finn-Ugric peoples rapidly became highly politicized but did not gain much support. They can achieve recognition in the society only if they accept democratic values and organizational principles.